

Г а н н а Ш е в ч е н к о

С У Д Ь Б А О Ч Е В И Д Ц А

• • •

Случилась невозможная жара,
заснуть теперь получится едва ли,
я коротаю время — в пять утра
смотрю кино о Пабло Эскобаре.

Его биологическая роль
важнее, чем у Ноя и Адама,
однажды кокаиновый король
в Колумбию привез гипнопотамов.

Он посадил две пары у куста,
сказал им, размножайтесь, пер фаворе,
теперь пузатых тварей больше ста
преображают фауну и флору,

растительность съедают на гарнир
не думая о внешнем неуюте.
Вот так и мы, приходим в этот мир
по чьей-нибудь неведомой причуде.

Глупы, высокомерны и горды,
не любим никого в родимой стае,
мы горы добываемой еды
за жизнь свою никчемную съедаем.

И лица недовольные кислы,
и каждый день в сети то вой, то свара,
но вдруг и мы кому-нибудь милы,
как бегемоты Пабло Эскобара.

На остановке поутру
у промтоварного развала
она стояла на ветру,
горшки с землею продавала.

Она казалась мне на вид
нежнее розовых левкоев,
просила что-нибудь купить,
и я взяла себе алоэ.

Пустое дело, ну и что ж.
А ветер, ставший на котурны,
распеленал безногий дождь
у переполнившейся урны.

Лучи направив на вокзал,
из облаков струилось солнце,
я слушала, цветок прижав,
как надо мною мир смеется.

И становилась все влажней
земля и таяли зарницы,
но опыт гения важней
судьбы простого очевидца.

Творцы тарифов проездных,
скажите, это ли не странно
у турникетов проходных
поэтизировать туманы?

Гудит от боя водосток,
и каждый день, а может, чаще
алоэ — гений и цветок —
растит себя в кирпичной чаше.

